

ОН НЕ СПИТ ночами, составляя «Записку о лучших способах вновь построить город Тифлис...». Роешь в архиве, чтобы написать не поэму, не роман — «Историю Пугачева»... Сплачивает вокруг «Современника» новых авторов... Идет за свои революционные убеждения на каторгу... Организует вольную русскую прессу за границей... Учреждает Литературный фонд... Откладывает в сторону перо и лечит окрестных мужиков... Ходит по Хамовникам из лачуги в лачугу, работая по переписи... И могли ли те, кто думал о народе, создавая «Горе от ума», «Евгения Онегина», «Дому на Руси жить хорошо», «Что делать?», «Сороку-воровку», «Грозу», «Винный сад», «Воскресение», — могли ли эти люди быть вне общественных дел, не брать их на себя с радостью и добровольно? И разве не была подлинно общественным делом каждая страница, вышедшая из-под их пера?

НЕИЗМЕРИМО возросла общественная роль литературы в стране социализма. У нас писатель — поистине общественный деятель в полном смысле слова. Прежде всего это означает коммунистическую партийность, пронизывающую всю деятельность советского писателя. «Кто хочет быть с народом, тот всегда будет с партией. Кто прочно стоит на позициях партии, тот всегда будет с народом», — говорится в партийном документе «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа», опирающейся на ленинское учение о партийности литературы.

Тесная, неразрывная связь литературы с коммунистическим строительством, единство литературного дела со всей работой партии, — по мысли Ленина, необходимое и главное условие, без которого литература не может слиться с сегодняшним революционным движением. Теперь уже общего демократизма, общей «левизны» для политики мало, учил Ленин, ибо в эпоху революционных выступлений пролетариата всевозможные попытки к политике без выяснения отношений к марксизму и к коммунистической партии «неизбежно, невозможно, немислимы».

Советские писатели законно гордятся своей почетной и ответственной ролью первых помощников партии в деле коммунистического воспитания, в деле пропаганды коммунистических идей и идеалов. И, конечно же, не случайно такими бурными аллюдами встретили участники Третьего съезда писателей слова Первого секретаря ЦК КПС С. С. Хрущева, сравнившего роль советской литературы в сегодняшней жизни народа с ролью артиллерии во время наступления широким фронтом.

ЕДИНСТВО советского писателя с народом, его роль общественного деятеля в государстве, строящем коммунизм, требует непосредственного участия в этом строительстве. Он и не может быть подлинным художником — человеком, обращающимся к уму и сердцу читателя, если не будет жить думами и чувствами своего народа; его переживания никому не нужны и никому не интересны, если они не вызваны жизнью и борьбой современников.

Но задача писателя в нашем обществе отнюдь не сводится к простому отображению жизни, даже в самых ярких и характерных ее событиях. Идеология пролетариата уже при самом своем возникновении выдвинула всестороннюю, революционную цель: дать не просто новый, еще один способ объяснения мира, но изменить мир в интересах трудящихся. Этим определяется революционный характер этики и, следовательно, эстетики писателя, стоящего на коммунистических позициях. Социалистический реализм — это прежде всего активное, революционное вмешательство художника в жизнь, отражение и объяснение жизни во имя и с позиции ее изменения.

Вот почему именно советский писатель с особой силой ощущает свою причастность к общенародному делу, «родственность» своего дела труду рабочего, крестьянина, ученого, «сраченность» со своим временем; чувствует себя рядовым «всесоюзной армии строителей нового мира». Вот почему одним из важнейших признаков пролетарского писателя Горький справедливо считал стремление всячески повысить активное отношение читателей к жизни, внушить им уверенность в их силе.

Задачи, которые поставила сегодня жизнь перед нашей литературой, настолько ответственны и грандиозны, что не случайно так выросли ныне требования к писателю, так подчеркнут обращенный к нему призыв идти в ногу со своим народом. Художественное творчество всегда питалось связью литератора с современностью. И партия не случайно напоминает нам сегодня о необходимости углублять и упрочивать эту связь: только так, только из недр самой народной жизни может вырасти поистине высокое искусство коммунизма. Вот почему первоочередная цель, которая стоит сегодня

На снимке: участники выездной редакции «Литературной газеты» в Захарченко, А. Безыменский, С. Островой. Фото А. Липина

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й № 71 (4037) | Суббота, 6 июня 1959 г. | ЦЕНА 40 КОП.

Человек по профессии

перед Союзом писателей, — стать на деле кодактивным помощником партии в борьбе за коммунистическое воспитание народа, центром по изучению и художественному осмыслению всего человеческого богатства нашей эпохи.

Не раз уже в связи с этим вспоминался драгоценный опыт первых пятилеток, когда долгосрочные писательские поездки на стройки рождали не только боевые очерки, стихи и корреспонденции, но и такие книги, как «Соть», «Люди из задухастья», «Время, вперед!...». К сожалению, этот опыт используется пока недостаточно широко, хотя, разумеется, жизнь должна внести свои поправки и методы коллективной организации таких поездок: выросли немалые журналистские и писательские силы на местах; на зрелую необходимость содействовать выдвину на передний край литературы не только уже сложившихся писателей, но и молодых, которым, как воздух, необходимо непосредственное общение с жизнью. При этом литературное гостроительство — самая большая опасность в деле укрепления связи писателя с современностью.

Важно также не забывать — и в работе над произведением, и при его критических оценках, — что современность требует от писателя высокого художественного мастерства. Книга воздействует на читателя не только основным своим содержанием, но только тем, какой конфликт и как она разрешает. «Красота воспитывает», — точно сказал как-то Леонид Леонов.

И в самом деле, на об одной стороне художественного произведения, будь то сюжет или язык, портретное искусство или пейзаж, нельзя сказать, что она более (или менее) важна, чем другая. Писатель воздействует на читателя не только тем, что он говорит, но и тем, как сказано. Здесь — секрет особой, поразительной общественной силы художественного творчества, здесь и причина той скуки, которой веет от иных сочинений, тогда как сами вопросы, поднятые ими, вообще-то бесконечно волнуют читателя.

А это значит, что в понятие общественного долга литератора с необходимостью входит борьба за овладение классическими методами художественности. Недаром Н. С. Хрущев, развивая свое сравнение писателей с артиллеристами, напомнил, что если сегодня на смену артиллерии пришла ракетная техника, то и писателям «тоже нужно оттачивать, совершенствовать свое оружие, чтобы оно было более дальнбойным, более точным».

МНОГООБРАЗНО, каждый по-своему, участвуют советские литераторы в общественной жизни. И призывы на передний край общественной жизни не только не противоречат, но, можно сказать, предполагаются этим непреходящим условием, — ведь лишь сознательная и полная самоотдача обществу, народу рождает подлинное богатство художественной индивидуальности. Вот почему писатель ценится не только по его книгам, но и по его личному участию в общественной жизни, хотя нужно ли объяснять, что книги — главное мерило общественной полезности художника слова.

Да одно и не существует без другого! Разве не сливаются в нашем представлении в единое, неразделимое целое Фадеев-писатель и Фадеев-человек, руководитель, товарищ? Разве Фурманов-комиссар — иной, чем Фурманов — автор «Чапаева» и «Мятежа»?

Своим долгом, своим общественным призванием считают советские писатели работу с молодыми литераторами и участие в ответственных международных конгрессах, служащих великому делу мира, трудовым, сложным редакторским трудом и лекциями в народных университетах культуры, выполнении депутатских обязанностей и выступления перед читателями... Примером здесь служат им Горький. «...Лично я — никогда не чувствовала и не чувствую себя «исключи-

Тирана — Будапешт — Москва

Остались позади десять дней пребывания в солнечной Албании Н. С. Хрущева и Р. Я. Малиновского. Недавно запомнятся дни волнующих встреч советской партийно-правительственной делегации с героическим народом, который явил всему миру пример не только стойкости в борьбе с иноземными паразитами, но и великий талант, трудолюбие в годы мирного строительства своей родины.

Албанцы знают: мы всегда с ними. Справедливо сказал Никита Сергеевич на митинге при отъезде из Тираны: «Хотя Албания и небольшая страна, но она входит в очень большую семью социалистического лагеря, входит в дружество стран Варшавского договора. Поэтому албанский народ может быть уверен, что Советский Союз и другие братские социалистические страны не оставят его в беде».

Позавчера Н. С. Хрущев и Р. Я. Малиновский прилетели из Тираны на берега голубого Дуная, в Будапешт. Венгерская столица, где почти неделю шли дожди, встретила советских гостей ярким солнцем и теплом дружеских встреч.

Мирнолюбивые народы, миллионы людей на всей земле по достоинству оценят результаты поездки советской делегации, горячо поддержавшей настойчивую борьбу советского народа, всех стран социализма за мир, за мирное сосуществование.

СТОЛБОВОЙ ДОРОГОЙ

ИЗ ГАЗЕТ: На 1 апреля 1959 года в Венгрии насчитывалось почти 4500 производственных кооперативов, объединивших 523 тысячи человек. Только за три месяца этого года количество членов кооперативов возросло на 354 тысячи.

В «БРУСКАХ» Федора Панферова (роман этот переведен на венгерский язык) есть примечательная фигура умного и энергичного крестьянина-середины Никиты Гурьянова. Помните, как в дни первых побед колхозного движения он боялся потерять свою землю и решил отправиться на поиски страны Муравьи, где нет и не будет коллективизации. Гурьянов не переставал надеяться, что колхозы потеряют крах.

Так же примерно относился до недавних времен к кооперативному движению часть венгерского крестьянства. Правда, она признавала существование кооперативов, соглашалась даже, что лучше «коопт» и «дать», но собственное свое будущее никак не связывала с кооперативным движением.

Что же говорят пахари теперь? Прежде всего, что в их глазах контрреволюционная вылазка 1956 года явилась настоящим испытанием нового строя. Страны наша — один из краевых уголков мировой лагеря социализма — хотя и зашаталась тогда, но выстояла. Несколько позднее люди увидели и то, как под воздействием предупреждающего голоса Советского Союза застопорилась на берегах Суэцкого канала военная машина империализма.

Быстрая консолидация в Венгрии после разгрома контрреволюции, консолидация, о которой западные пропагандисты говорили как о «венгерском чуде», новые методы руководства со стороны партии и правительства с упором на открытый, прямой разговор, наконец, запуск советских спутников Земли и космической ракеты еще больше укрепили в нашем крестьянстве мысль, что правда и сила на стороне социализма. А значит, всякие перемены в ущерб социализму противны «здоровой крестьянской смекалке», равнозначны отказу от своего собственного завтра.

Вот так, например, сказал мне обо всем этом один крестьянин, друг детства: — Я как раз собирался идти копать картошку, когда радио сообщило, что русские запустили космическую ракету. Ну, пришел я в поле, взял лопату и давай копать. Счищая руками землю с картошки, и вдруг меня осенило: вот я только руками собираю картошку, как делаю это и отец мой, и дед, все близкие — это и отец мой, и дед, все близкие — это и отец мой, и дед, все близкие, так и Луна приближается. Значит, техника теперь такая, что мы и космос скоро завоюем. Грустно стало мне, пошел домой. Хочешь верь, хочешь нет, но только с той ночи впер-

Идут экзамены. Фото А. Глищева

СТОЛБОВОЙ ДОРОГОЙ

ку, как это часто делают крестьяне. — Вы ведь еще в младше братья годились. Есть еще у вас время для роста, мне ведь и то за семьдесят три перевило...

Теперь Иштван Каллаи — член кооператива, пользуется большим почетом и уважением. И если кто-нибудь спрашивает, правда ли, что Иштвана называют «молодым человеком», люди, смеясь, отвечают: — И не только молодым, но еще и младшим братом министра...

Новая, очень важная черта в теперешнем кооперативном движении — это появление районов, где все население вступило в кооперативы.

И еще: все общество, а рабочий класс в особенности, принимает участие в агитации, и в помощи кооперативам. Достаточно взять в руки карту страны, чтобы убедиться в правоте тех, кто указывает на влияние заводов как на один из факторов успешного развития кооперативного движения. Так оно и есть: «высший слой», помогающий крестьянам на пути к коллективному труду, были братья-рабочие.

В молодых кооперативах в состав правления избран большой процент так называемых «новых» хозяев. «Новые» хозяева — это те, в молодости закончили двухгодичные сельскохозяйственные курсы. Несмотря на свой авторитет в деревне, прежде они почти не принимали участия в общественной жизни.

Почему? «Новые» теперь сами могут ответить на этот вопрос. Оказывается, примерно с 1948 года и по сей день крестьяне считали, что исполнение любых общественных обязанностей равносильно измене единственному хозяйству: достаточно, мол, протянуть в поддержку социализма хотя бы палец, чтобы попасть в ряды тех, кто ратует за общину поля против частных земельных полосок.

Люди не просто пришли теперь в кооперативы. Отныне они душой и телом преданы делу социализма.

В связи со всем этим нельзя не сказать и о том, как обстоит дело с одной из самых неотложных проблем, стоящих перед нашей партией, а именно с укреплением деревенских партийных организаций.

Вот случай, происшедший в небольшой деревеньке. Обсуждая с секретарем районной партийной организации вопрос о вступлении в кооператив, крестьяне поставили перед ним такие условия: они всей деревней вступают в кооператив, но только, пусть в партийной организации деревни исключат двух «типов», которые, по их мнению, не только не пользуются никаким уважением, но компрометируют партию.

Что же ответил на это партийный секретарь? Уважаемые и дорогие друзья, сказал он, что будет с партией, куда она придет, если мы начнем исключать людей просто вот так, на основании одного только заявления?

— Ну, не совсем так, — отстаивали свою точку зрения крестьяне. — Ведь мы говорим лишь о людях недостойных. Да вы не беспокойтесь, товарищ секретарь, не бойтесь убытка, мы вам возместим его.

— То есть как это? — Да очень просто: как только все деревня вступит в кооператив, то уж, конечно, самые лучшие и передовые люди подадут заявление и в партию... БУДАПЕШТ

Весь район гудел в те дни, как встревоженный улей. Здесь рождалась три кооператива. Вернувшись домой и поужинав, Иосиф Киш взял карандаш, бумагу и стал что-то подсчитывать. Семья уже спала, огонь в печке погас, стало так холодно, что чокнели пальцы. А он все считал и считал.

Иосиф Киш как бы заглянул в будущее. То, что он там увидел, очень воодушевило его. На рассвете, когда цифры стали прыгать перед его уставшими глазами, он отшвырнул тетрадку и быстро вышел на улицу. Никто не поручал Кишу агитировать односельчан, но внезапно его крик разбудил всю улицу.

— Люди! Хахтит неплеться за старое! Давайте создавать кооператив! Десятки тысяч крестьян делали в последние месяцы то же самое, чем был занят Киш в ту критическую ночь: заглядывая в будущее, они считали.

Хочется привести еще один примечательный по-своему факт. Речь идет о разговоре, состоявшемся между председателем Совета министров Ференцем Мюнхником и крестьянином-единоличником Иштваном Каллаи.

Иштван Каллаи — человек прямой, прекрасный хозяин и в поле, и у себя на дворе. У него две лошади, горячие, как черти. Познакомился он с товарищем Ференцем Мюнхником задолго до того, как по стране началось массовое движение крестьян в кооперативы. Доктор Мюнхник приехал в свою родную деревню агитировать за кооперативы.

Именно тогда и сказал ему Иштван Каллаи: — Останусь кем был. Всею жизнью прожил и состоюсь в своем хозяйстве, в нем и останусь, мои годы уже вышли, — и он показал на свои седые волосы. — А сколько вам лет? — спросил председатель Советов министров.

— Шестьдесят один. — И вы считаете себя старым? — засмеялся Ференц Мюнхник, положив на плечо Иштвана Каллаи ру-

Здравствуй, Сибирь!

10 ИЮНЯ из Москвы в Сибирь отправляется выездная вагон-редакция «Литературной газеты». Следуя старым традициям советских литераторов, выезжавших по призыву Алексея Максимовича Горького на ударные стройки в годы первых пятилеток, писательская бригада едет на крупнейшие стройки семилетки в Сибирь. Ветеран первых писательских бригад на стройках первой пятилетки поэт Александр Безыменский, как говорит, «трехлук старинной» и едет сейчас с вагон-редакцией «Литературной газеты». В редакции на колесах будут работать писатели и журналисты Кирилл Андреев, Валентин Берестов, Василий Захарченко, Юрий Казаков, Сергей Островой, Александр Пшеничный, Евгений Рвачиков, Екатерина Строгова, Всеволод Ренч, Лев Ющенко, художник Сергей Куприянов, кинооператоры Центральной студии документальных фильмов Константин Пискарев и Александр Истомин и другие товарищи. Первая остановка — Омск. Здесь бригада познакомится со строителями нефтепровода Туймазы — Ангарск, химических предприятий и нефтеперерабатывающего завода; побывают члены бригады в совхозах на целинных землях. На строительных площадках, заводах и в колхозах состоится литературные вечера, встречи с рабочими, колхозниками, рабселькорами, писателями, журналистами, членами литературных объединений. Будут выпущены два номера многотиражки «Литературная газета в Сибирь». Вторая остановка — Красноярск. Писательская бригада побывает на строительстве Красноярской ГЭС и Назаровской ГРЭС, атомного, деревообрабатывающего, шпичного и других заводов, выпустит номер многотиражки, проведет встречи со строителями, речниками, колхозниками. Следующая остановка вагон-редакции — Братск. Писатели побывают не только на строительной площадке, но и в гидростанции электрической станции на Ангаре, но и на разработках грандиозных

- В СУББОТНОМ НОМЕРЕ:
- Эрне Урбан. Столбовой дорогой.
- Аскад Мухтар. Хозяйева подоблачных недр.
- А. Куприн. Неопубликованная статья.
- Леонид Лиходеев. Пожалуйте к столу!
- Лев Успенский. Последний из крайних.
- Сергей Смирнов, Константин Ваншенкин. Новые стихи.
- Сергей Михалков. «Дело о поцелуе».
- Михаил Матусовский. Школа злых собак.
- Время, события, люди.

ХОЗЯЕВА ПОДОБЛАЧНЫХ НЕДР

МЫ ВЪЕЗЖАЛИ в Алматы ранним весенним утром. Город — огромный плато, покрытое зеленым ковровым трав. Над долиной реки Ангрэн величаво возвышались Кураминские отроги Тянь-Шаня. Поднявшись из-за снеговых вершин, солнце золотило крыши новых кварталов с густой сетью телевизионных антенн, побег молодых тополей в скверах.

— Раньше города создавались веками, — сказал мой спутник, старый Касым-ака, — жизнь текла неторопливо...

Показав из своего вилка, он приблизил:

— А вот старожил Алматы, он своими глазами видел, как возник город.

Школьники хорошо помнят, как там, где сейчас красуется его школа и стоят четырехэтажные дома, уныло простиралась степь, тосковали выжженные холмы. Он даже помнит, как его отец Асим, сын Касыма, положив первый камень фундамента под первый дом будущего города, сказал:

Пусть дом стоит навеки, а люди живут в нем счастливо!

Город, возникший несколько лет назад, продолжает расти и сегодня. Решетчатые «журчалки» поднимают железобетонные стены новых зданий. Сплошным потоком текут по дорогам десятилитровые лесоавто, самосвалы. Водители — все молодые, загорелые, веселые и обязательно со свежим горным цветом, торчащим из-под кепки.

Алматы — центр огромного горно-промышленного района Узбекистана, который обладает богатейшими залежами меди, свинца, цинка, молибдена и других цветных и редких металлов. О том, что еще в далекие времена этот край привлекал мастеров горного дела, говорят многие местные названия: Ахан-Гаран, что означает «кузнечик», Кумышкан — «рудник серебра», Кургашикан — «свинец». Сохранились памятники древних горнопромышленных ремесел — простейшие шурфы и штольни. Но по-настоящему открыли кладовые Алматы советские геологи и горняки.

Как много сделано за эти годы! В нескольких километрах от города высится огромные корпуса обогатительных фабрик. А дальше, на границе Узбекистана и Таджикистана, где искрятся вершины Ак-Таша, в глубоком ущелье Кураминских гор — гордость Алматы — Алтын-Топканский свинцово-цинковый рудник. Как же там не обогатить?

ПЕТЛЯЕТ ГОРНАЯ дорога. Много красок на палитре волшебницы природы: сначала мы едем мимо ярко-красных холмов, сплошь покрытых глянцевым ковровым, затем идут зеленые луга и арчевые рощи, а еще дальше снега. Весна сюда не добралась. А вот горняки и след добралась. Недалеко отсюда здесь «покорителями», хозяевами подоблачных недр. Карьер расползается на высоте 1800 метров. Удивительно, что не только люди, но и неуклюжие машины-экскаваторы тоже стали скалолазами. В течение долгих месяцев экскаваторы метр за метром прокладывали себе и людям дорогу к вершинам.

Забрались люди высоко в горы, но работают глубоко под землей. Немало потрудились проходчики, чтобы сложная система штолен пронизала горы. Медленно отступала перед проходчиками каменная стена. Бывало и так, что из пробуренных отверстий с громадной силой выбрасывало потоки воды. Зимой сюда нельзя было пробраться. Водовозы спасались тем, что посыпали ледозную дорогу солью. Обвалы, наводнения, падающие камни — все это не для слабонервных. Горняки Алматы — люди исключительно цельного характера. Аккуратность, точность — это их закон. «У нас ошибаются только один раз», — говорят они.

Вот над пропастью висят сораметровые металлические опоры с тую натянутыми тросами. Руду, добываемую в карьере, доставляют к обогатительной фабрике воздушной электрической канатной дорогой длиной в восемь километров. Снизу, из ущелья, стальные тросы не видны, и кажется, что вагонетки свободно плывут в небе, черные, как трави.

Когда смотришь на канатную дорогу, невольно задаешь себе вопрос: какие бесстрашные гиганты сумели установить многотонные опоры на этой голокружающей высоте? А смонтировали их простые ребята из прославленной бригады монтажников-верхолазов Николая Козлова.

Это уже позади. Однако не менее трудны и славы будни тех, кто сейчас добывает здесь цинковую руду. Свообразный романтичный дух горняцкой жизни на подоблачных вершинах окрывает отважные сердца.

Еще одно похождение бравого солдата

— Осмелю дополнить, у нас, в Буйево-Ину, был один трагический случай, затнувший в солдатский мундир, — это наш добрый, старый знакомый Швейк. Он только что совершил путешествие из Варшавы в Москву.

— Что за трагический случай? — спрашивает «читатель». А вот...

— Осмелюсь дополнить, в № 41 «Литературной газеты» мы рассказали о московском инженер-петровце Петре Матюко — задалом коллекционером всего, что так или иначе связано с чудесным изобретением Якоба Гаша. Корреспондент в и-а писателю Швейку, «филологически» Петру Матюко, обратил на себя внимание наших коллег из «Литературной газеты» и познакомил публику с его биографией. На днях в «Литературную газету» поступил пакет из Варшавы. В нем была эта самая «филологическая» фотопластинка, которую вы видите на нашей снимке, и письмо. В письме сообщалось, что о «бравом» московском инженер-инженере рассказали радиослушателям передачи «Музыка и актуальность».

— Позвольте через вас передать симпатичному коллекционеру дополнение к его коллекции в виде фотографии бравого солдата Швейки. В письме сообщалось, что «Музыка и актуальность» Хенрик Миросл.

— Прощайте, товарищи! Выполнил, новый экземпляр занял свое место в коллекции Петра Матюко.

Вот над пропастью висят сораметровые металлические опоры с тую натянутыми тросами. Руду, добываемую в карьере, доставляют к обогатительной фабрике воздушной электрической канатной дорогой длиной в восемь километров. Снизу, из ущелья, стальные тросы не видны, и кажется, что вагонетки свободно плывут в небе, черные, как трави.

Когда смотришь на канатную дорогу, невольно задаешь себе вопрос: какие бесстрашные гиганты сумели установить многотонные опоры на этой голокружающей высоте? А смонтировали их простые ребята из прославленной бригады монтажников-верхолазов Николая Козлова.

Это уже позади. Однако не менее трудны и славы будни тех, кто сейчас добывает здесь цинковую руду. Свообразный романтичный дух горняцкой жизни на подоблачных вершинах окрывает отважные сердца.

Вот над пропастью висят сораметровые металлические опоры с тую натянутыми тросами. Руду, добываемую в карьере, доставляют к обогатительной фабрике воздушной электрической канатной дорогой длиной в восемь километров. Снизу, из ущелья, стальные тросы не видны, и кажется, что вагонетки свободно плывут в небе, черные, как трави.

Когда смотришь на канатную дорогу, невольно задаешь себе вопрос: какие бесстрашные гиганты сумели установить многотонные опоры на этой голокружающей высоте? А смонтировали их простые ребята из прославленной бригады монтажников-верхолазов Николая Козлова.

Это уже позади. Однако не менее трудны и славы будни тех, кто сейчас добывает здесь цинковую руду. Свообразный романтичный дух горняцкой жизни на подоблачных вершинах окрывает отважные сердца.

Вот над пропастью висят сораметровые металлические опоры с тую натянутыми тросами. Руду, добываемую в карьере, доставляют к обогатительной фабрике воздушной электрической канатной дорогой длиной в восемь километров. Снизу, из ущелья, стальные тросы не видны, и кажется, что вагонетки свободно плывут в небе, черные, как трави.

Когда смотришь на канатную дорогу, невольно задаешь себе вопрос: какие бесстрашные гиганты сумели установить многотонные опоры на этой голокружающей высоте? А смонтировали их простые ребята из прославленной бригады монтажников-верхолазов Николая Козлова.

Это уже позади. Однако не менее трудны и славы будни тех, кто сейчас добывает здесь цинковую руду. Свообразный романтичный дух горняцкой жизни на подоблачных вершинах окрывает отважные сердца.

Вот над пропастью висят сораметровые металлические опоры с тую натянутыми тросами. Руду, добываемую в карьере, доставляют к обогатительной фабрике воздушной электрической канатной дорогой длиной в восемь километров. Снизу, из ущелья, стальные тросы не видны, и кажется, что вагонетки свободно плывут в небе, черные, как трави.

Когда смотришь на канатную дорогу, невольно задаешь себе вопрос: какие бесстрашные гиганты сумели установить многотонные опоры на этой голокружающей высоте? А смонтировали их простые ребята из прославленной бригады монтажников-верхолазов Николая Козлова.

Это уже позади. Однако не менее трудны и славы будни тех, кто сейчас добывает здесь цинковую руду. Свообразный романтичный дух горняцкой жизни на подоблачных вершинах окрывает отважные сердца.

Вот над пропастью висят сораметровые металлические опоры с тую натянутыми тросами. Руду, добываемую в карьере, доставляют к обогатительной фабрике воздушной электрической канатной дорогой длиной в восемь километров. Снизу, из ущелья, стальные тросы не видны, и кажется, что вагонетки свободно плывут в небе, черные, как трави.

Когда смотришь на канатную дорогу, невольно задаешь себе вопрос: какие бесстрашные гиганты сумели установить многотонные опоры на этой голокружающей высоте? А смонтировали их простые ребята из прославленной бригады монтажников-верхолазов Николая Козлова.

Это уже позади. Однако не менее трудны и славы будни тех, кто сейчас добывает здесь цинковую руду. Свообразный романтичный дух горняцкой жизни на подоблачных вершинах окрывает отважные сердца.

Вот над пропастью висят сораметровые металлические опоры с тую натянутыми тросами. Руду, добываемую в карьере, доставляют к обогатительной фабрике воздушной электрической канатной дорогой длиной в восемь километров. Снизу, из ущелья, стальные тросы не видны, и кажется, что вагонетки свободно плывут в небе, черные, как трави.

Когда смотришь на канатную дорогу, невольно задаешь себе вопрос: какие бесстрашные гиганты сумели установить многотонные опоры на этой голокружающей высоте? А смонтировали их простые ребята из прославленной бригады монтажников-верхолазов Николая Козлова.

Это уже позади. Однако не менее трудны и славы будни тех, кто сейчас добывает здесь цинковую руду. Свообразный романтичный дух горняцкой жизни на подоблачных вершинах окрывает отважные сердца.

Вот над пропастью висят сораметровые металлические опоры с тую натянутыми тросами. Руду, добываемую в карьере, доставляют к обогатительной фабрике воздушной электрической канатной дорогой длиной в восемь километров. Снизу, из ущелья, стальные тросы не видны, и кажется, что вагонетки свободно плывут в небе, черные, как трави.

Когда смотришь на канатную дорогу, невольно задаешь себе вопрос: какие бесстрашные гиганты сумели установить многотонные опоры на этой голокружающей высоте? А смонтировали их простые ребята из прославленной бригады монтажников-верхолазов Николая Козлова.

Это уже позади. Однако не менее трудны и славы будни тех, кто сейчас добывает здесь цинковую руду. Свообразный романтичный дух горняцкой жизни на подоблачных вершинах окрывает отважные сердца.

Вот над пропастью висят сораметровые металлические опоры с тую натянутыми тросами. Руду, добываемую в карьере, доставляют к обогатительной фабрике воздушной электрической канатной дорогой длиной в восемь километров. Снизу, из ущелья, стальные тросы не видны, и кажется, что вагонетки свободно плывут в небе, черные, как трави.

Когда смотришь на канатную дорогу, невольно задаешь себе вопрос: какие бесстрашные гиганты сумели установить многотонные опоры на этой голокружающей высоте? А смонтировали их простые ребята из прославленной бригады монтажников-верхолазов Николая Козлова.

Это уже позади. Однако не менее трудны и славы будни тех, кто сейчас добывает здесь цинковую руду. Свообразный романтичный дух горняцкой жизни на подоблачных вершинах окрывает отважные сердца.

Вот над пропастью висят сораметровые металлические опоры с тую натянутыми тросами. Руду, добываемую в карьере, доставляют к обогатительной фабрике воздушной электрической канатной дорогой длиной в восемь километров. Снизу, из ущелья, стальные тросы не видны, и кажется, что вагонетки свободно плывут в небе, черные, как трави.

Когда смотришь на канатную дорогу, невольно задаешь себе вопрос: какие бесстрашные гиганты сумели установить многотонные опоры на этой голокружающей высоте? А смонтировали их простые ребята из прославленной бригады монтажников-верхолазов Николая Козлова.

Это уже позади. Однако не менее трудны и славы будни тех, кто сейчас добывает здесь цинковую руду. Свообразный романтичный дух горняцкой жизни на подоблачных вершинах окрывает отважные сердца.

Вот над пропастью висят сораметровые металлические опоры с тую натянутыми тросами. Руду, добываемую в карьере, доставляют к обогатительной фабрике воздушной электрической канатной дорогой длиной в восемь километров. Снизу, из ущелья, стальные тросы не видны, и кажется, что вагонетки свободно плывут в небе, черные, как трави.

Когда смотришь на канатную дорогу, невольно задаешь себе вопрос: какие бесстрашные гиганты сумели установить многотонные опоры на этой голокружающей высоте? А смонтировали их простые ребята из прославленной бригады монтажников-верхолазов Николая Козлова.

Это уже позади. Однако не менее трудны и славы будни тех, кто сейчас добывает здесь цинковую руду. Свообразный романтичный дух горняцкой жизни на подоблачных вершинах окрывает отважные сердца.

Вот над пропастью висят сораметровые металлические опоры с тую натянутыми тросами. Руду, добываемую в карьере, доставляют к обогатительной фабрике воздушной электрической канатной дорогой длиной в восемь километров. Снизу, из ущелья, стальные тросы не видны, и кажется, что вагонетки свободно плывут в небе, черные, как трави.

Когда смотришь на канатную дорогу, невольно задаешь себе вопрос: какие бесстрашные гиганты сумели установить многотонные опоры на этой голокружающей высоте? А смонтировали их простые ребята из прославленной бригады монтажников-верхолазов Николая Козлова.

Это уже позади. Однако не менее трудны и славы будни тех, кто сейчас добывает здесь цинковую руду. Свообразный романтичный дух горняцкой жизни на подоблачных вершинах окрывает отважные сердца.

Вот над пропастью висят сораметровые металлические опоры с тую натянутыми тросами. Руду, добываемую в карьере, доставляют к обогатительной фабрике воздушной электрической канатной дорогой длиной в восемь километров. Снизу, из ущелья, стальные тросы не видны, и кажется, что вагонетки свободно плывут в небе, черные, как трави.

Когда смотришь на канатную дорогу, невольно задаешь себе вопрос: какие бесстрашные гиганты сумели установить многотонные опоры на этой голокружающей высоте? А смонтировали их простые ребята из прославленной бригады монтажников-верхолазов Николая Козлова.

Это уже позади. Однако не менее трудны и славы будни тех, кто сейчас добывает здесь цинковую руду. Свообразный романтичный дух горняцкой жизни на подоблачных вершинах окрывает отважные сердца.

Вот над пропастью висят сораметровые металлические опоры с тую натянутыми тросами. Руду, добываемую в карьере, доставляют к обогатительной фабрике воздушной электрической канатной дорогой длиной в восемь километров. Снизу, из ущелья, стальные тросы не видны, и кажется, что вагонетки свободно плывут в небе, черные, как трави.

Когда смотришь на канатную дорогу, невольно задаешь себе вопрос: какие бесстрашные гиганты сумели установить многотонные опоры на этой голокружающей высоте? А смонтировали их простые ребята из прославленной бригады монтажников-верхолазов Николая Козлова.

Это уже позади. Однако не менее трудны и славы будни тех, кто сейчас добывает здесь цинковую руду. Свообразный романтичный дух горняцкой жизни на подоблачных вершинах окрывает отважные сердца.

АСКАД МУХТАР

бригада ударно-канатного бурения Н. П. Поляги. Исидор Петрович — учитель в средних школах, буровик. Знаю его много лет. Нагорная зона его детства — это 60—70 погонных метров твердой породы, а взесо самого Поляги — не менее 110 метров.

...С юга над городом темнеют высокие отвалы. За ними виднеются оголенные зеленые скалы медных карьеров. Это — Кальмакыр, вторая сокровищница Алматы. К нему ведут широкие бетонированные, всегда слегка увлажненные (медная пыль вредна для здоровья) дороги. В семилетии рудник станет одним из крупнейших в стране поставщиков меди.

Седи Кураминские хребты, но не почиты их сокровища. Снега на вершинах ослепительно блестят от солнца, где-то в глубоких лощинах еще полумрак, над шумливой речушкой стелется туман. По извилистым горным тропам шагают люди с нивелирами. А за ними мощные бульдозеры прокладывают новые трассы к рудникам. По соседству с Кальмакыром, в урочищах Ак-Чеку, Джаныбек, Пистали-Сай, Саук-Булак найдены новые месторождения. Глубоко погребены эти клады, тут же нельзя применять метод простой эваскации. Но алмазские горняки имеют богатый опыт, умеют производить уникальные по мощности взрывы.

Вот поднял флаг, Сирина! Рупоры предпрещают последний шаг:

— В укрите!

Взрыв. Тут же подвизают шестикольные экскаваторы «Уралмаша», и каждый в один прием нагружает десятитонный самосвал.

Этот богатый метод вскрыши пустой породы, испытанный алмазскими инженерами, сейчас применяется на многих рудниках страны.

БОЛЬШИЕ ЗАДАЧИ поставлены семилетним планом перед горняками и строителями Алматы. И нужно устранить все, что может им помешать! Об этом не должны забывать работники Ташкентского совнархоза.

А как обстоит дело хотя бы на Алтын-Топканском комбинате? Добыча руды все увеличивается, а строительство обогатительных предприятий рассчитано на долгие годы. Что было бы, если бы не энтузиазм строителей, которые построили первую обогатительную фабрику намного раньше срока? Кальмакыр в ожидании вступления в строй новой фабрики большую часть своей руды складывает на карьерах, что, как известно, очень невыгодно. А когда вторая фабрика вступит в строй и первая освободится целиком для Алтын-Топкана, тогда будет туго с транспортировкой руды (поскольку пропускная способность двух «канатных» дорог — всего 5 тысяч тонн в сутки). Сейчас нужно ускорить строительство широко колеи электрифицированной дороги. Иначе неточная работа проектировщиков комбинаата дорого обойдется государству.

Совнархоз не всегда правильно распределяет технику.

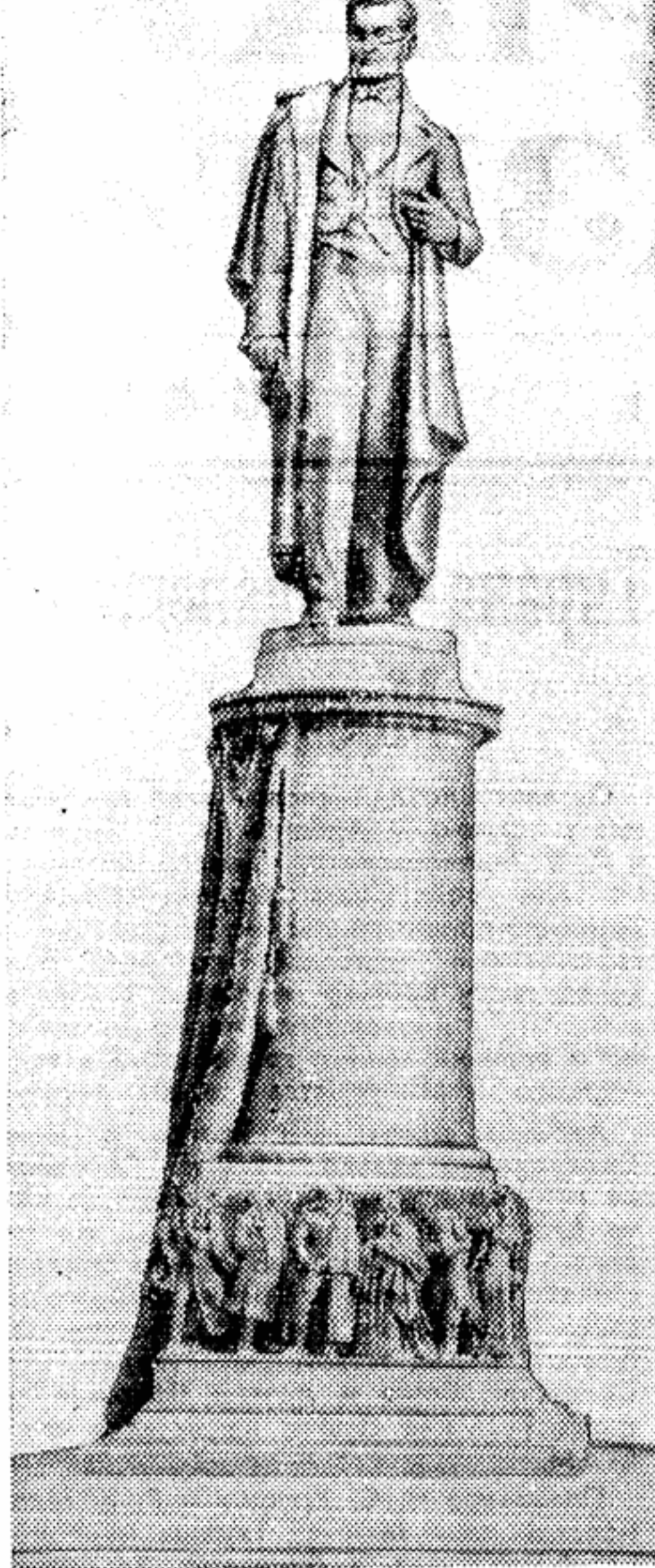
— Экскаваторы у нас есть, — говорит секретарь парткома центрального управления Крючков, — вот на центральный карьер их у нас много. А что толку, когда к ним нет автомашин? Ведь каждый экскаватор должен обслуживать пять машин, а у нас и по две не выхаживают. Из давно обещанных 40 «язов» до сих пор получили только четыре. Мы очень нуждаемся в помощи Ташкентского совнархоза.

Фактически экскаваторный парк используется здесь лишь в половину мощности. Можно ли с этим мириться? Я слушаю и думаю: как своевременно поднимает партия вопросы комплексной механизации. Решения предстоящего Пленума ЦК, несомненно, помогут и Алтын-Топкану выйти на широкую дорогу.

Перспективы Алматы привлекают внимание ученых республикан. На комбинате создана центральная экспериментально-исследовательская лаборатория. В содружестве с Горным отделом Академии наук Узбекистана проводятся серьезные исследования в подземных условиях Алтын-Топканского рудника. Уточняется технологический режим обогащения упорных руд Кальмакыра по методу профессора Мостовича. Испытывается алмазное бурение.

Алтын-Топкан — это значит «наше золотое». Золото здесь — это прежде всего люди, создавшие прекрасный город Алматы, покорившие недра древней земли.

г. АЛМАЛЫК, Узбекская ССР.

На днях в Москве открывается памятник великому русскому поэту Александру Сергеевичу Грибоедову, сооруженный по проекту скульптора А. Мануйлова и архитектора А. Захаркина. Десятиметровый монумент воздвигнут у Кировских ворот, в начале Чистопрудного бульвара. Фигура писателя, отлитая из бронзы, установлена на гранитном постаменте. С одной стороны постамента исполнены бронзовые скульптуры театральной танцовщицы, а у подножия — барельеф с изображением персонажей бессмертной комедии «Горе от ума».

В беседе с нашим корреспондентом скульптор А. Мануйлов рассказал: — Работая над памятником в течение нескольких лет, мы с архитектором А. Захаркиным хотели создать образ писателя-мыслителя, страстного обличителя пороков крепостнической России, великого гражданина и патриота. В правой руке поэт сжимает перчатку, готовый бросить вызов темной муре фамусовских молчаливых и слабугов.

На снимке вы видите, как выглядит памятник А. С. Грибоедову.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«Курица и бессмертие»

Фельетон под таким названием был напечатан в № 31 «Литературной газеты» за 1959 год. В нем говорилось о том, что дом покойного писателя А. С. Грина, находящийся в Старом Крыму, пришел в ветхое состояние и использовался руководящим работником Старо-Крымского райкома партии тов. Л. Ивановым для хозяйственных нужд. Как сообщил редакция секретарь Крымского обкома КП Украины тов. И. Чирва, фельетон обсуждался на бюро обкома КПУ. Бюро отменило неправильную позицию Старо-Крымского райполкома и райкома партии, своевременно не принявших мер для восстановления дома А. С. Грина. Тов. Л. Иванову указано на его ошибку.

Бюро обкома КПУ поручило Старо-Крымскому райполкому решить вопрос о восстановлении дома писателя, отводе под дом земельного участка и обращении в директивные органы Украинской ССР с ходатайством об установлении на доме А. С. Грина мемориальной доски.

Заместитель председателя правления Литературного фонда СССР тов. В. Текелкин в своем письме в редакцию «Литературной газеты» сообщил, что президиум правления Литературного фонда СССР принял постановление о выделении средств для восстановления жилых работ в доме писателя А. С. Грина.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Я НЕ ОЧЕНЬ надеюсь на опубликование в газете всего, о чем ниже пойдет речь, поэтому излагаю суть дела в виде письма. Но прежде, для того чтобы у вас было представление об авторе, несколько слов о себе. Я — военный журналист, член партии, член Союза журналистов, Подполковник. Из-за болезни уволен в отставку. Сейчас занимаюсь поисками неизвестных и забытых героев. О ходе поисков неоднократно рассказывал по радио, в газетах, в литературно-художественных журналах («Звезда», «Нева»).

Недавно, заинтересовавшись послевоенной судьбой ленинградцев — Героев Советского Союза, я разослал в Ленинград 175 героев (не считая тех, которые продолжают служить в армии). Большинство из них не живет больше слабой, а принимает активное участие в созидательном труде советского народа.

Готовя для журнала «Нева» очерк «Герои», я столкнулся с фактами, которые очень возмущали меня. Привести их полностью в очерке (он напечатан в майской книжке «Нева» за этот год) не удалось. Начну с незначительного, на первый взгляд, факта.

Разыскав двух героев-однопольчан, которые, живя в Ленинграде, ничего не знали друг о друге (уже один этот факт говорит о многом), я свел их. В конце этой очень интересной встречи решил сфотографировать героев. Было воскресенье, и двор нового дома напоминал птичий базар, столько в нем было шумной детворы.

Два героя с золотыми звездами и я с фотоаппаратом шли по двору в поисках подходящего места для съемки. Но налетевшая стайка ребят, я пожалел о своей затее сфотографировать героев на фоне нового дома. Какая уж тут съемка, — научусь разбираться, за какие подвиги получены золотые звезды, где пришлось воевать. Да мало ли вопросов может возникнуть у ребят 12—14 лет к героям боев! Не часто ведь случается, чтобы во дворе оказались сразу два Героя Советского Союза!

Однако напрасно я боялся, что ребята атакуают моих спутников. Вопросы действительно посыпались, но они были адресованы не героям, а мне. Один спрашивал, как называется мой фотоаппарат, другой интересовался, сколько можно сделать снимков, не перезаряжая кассеты, третий, стараясь перекричать друзей, добываясь, есть ли в этом аппарате автоматический спуск.

И ни одного вопроса героям. Никто из ребят даже словом не обмолвился о том, что здесь находятся два Героя Советского Союза. Признаюсь, мне стало не по себе.

Что это — равнодушие? Безразличие? Нас-де ничем не удивишь! Или, может быть, ребята не знают значение Золотой Звезды, являющейся в нашей стране знаком высшей степени отличия? Ведь раньше Герой Советского Союза не мог пройти незамеченным. Кто-то, а ребята, для которых мечта о подвиге всегда была превыше всего, встретив героя, буквально брали его в плен!

Почему же этого не произошло теперь? Может быть, это чистая случайность? Нет. Многочисленные факты убедили меня в другом. Героизм в нашей стране — явление массовое. Героев у нас много. Не потому ли мы начинаем слишком буднично относиться к людям подвига?

В течение некоторого времени я безуспешно разыскивал Героя Советского Союза Николая Васильевича Шишкина. Наконец удалось установить, что он работает на фабрике аккордеонов «Красный партизан».

Однако председатель фабкома Александр Николаевич Николаев разведал у меня: никакого Героя Советского Союза на фабрике нет. Но, уступив настоятельным просьбам, он все же согласился проверить. Правда, тут же оговорился: если бы на фабрике действительно работал Герой Советского Союза, то уж он, председатель, обязательно знал бы об этом.

И все же оказалось, что Герой Советского Союза Николай Васильевич Шишкин действительно работает на фабрике. Поступая сюда, он не скрыл своего звания. В соответствующей графе анкеты сказано, что Шишкин — Герой Советского Союза. Но что записано в анкете, хранящейся в отделе кадров, осталось тайной не только для председателя фабкома. Даже люди, работающие бок о бок с Шишкиным, не знали о его боевых подвигах, о том, что он награжден многими орденами и Золотой Звездой. Никто не знал здесь, что этот человек не раз был на волосте от смерти, что он совершил много героических подвигов. Даже когда нуля прошла в полутора миллионах от сердца, Шишкин успел уложиться трех напавших на него врагов.

А разве не замечательно то, что тяжело больной герой, получая пенсию, все же трудится? Но настоятельному требованию врачей он лишь смилил профессию слесаря на более легкую работу сборщика аккордеонов. А на фабрике «Красный партизан» до недавнего времени ничего не знали об этом скромном герое, который заслужил не только уважение, но и заботу о своем здоровье пошатнувшимся здоровьем.

История с «затерявшимся» на фабрике Героем Советского Союза Шишкиным, несмотря на внешнее различие, имеет много общего с историей «незамеченных» героев, которую я привел выше. Но есть и более неприятные факты. Герой Советского Союза Сергей Сергеевич Кудрявцев, летавший герой штурманом корабля Гражданского воздушного флота, обратился в Московский райполком Ленинграда с просьбой об улучшении жилищных условий. Кудрявцев, его жена, 19-летняя дочь и сын жили в 13-метровой комнате.

Что же ответил на просьбу Кудрявцева председатель райполкома? — Подожди, герой, умрет кто-нибудь, тогда улучшим тебе жилищные условия. Трудно комментировать такое заявление! Лишь недавно, после вмешательства секретаря райкома партии, Кудрявцев получил квартиру.

...У Героя Советского Союза Дмитрия Михайловича Берлинского случился беда: умерла дочь. Он решил похоронить ее рядом со своей матерью, погребенной на центральной кладбище Богословского кладбища. Но ему отказали в этом, заявив, что всех без разбора здесь не хоронят.

— Неужели нельзя сделать исключение? — спросил Берлинский. — Для нас вы сделаем исключение, когда вы умрете, а пока умерла только ваша дочь, — не задумываясь, ответили ему в контроле, ведающей кладбищами.

С Берлинским тут же случился сердечный приступ, и он упал. Но напоминание о смерти свалило его с ног. Смерти он не раз видел в глаза. Семь раз раненный, из них пять раз тяжело, он многое испытал. Но хамства чиновника, да еще в такую горестную минуту, он не вынес.

Придя в себя, он отправился в Смольный и, конечно, отсюда незамедлительно было дано указание удовлетворить печальную просьбу героя Берлинского. Я мог бы привести много примеров незначительного и даже пренебрежительного отношения к Героям Советского Союза. Дело, однако, не в том, чтобы называть факт на факт. Конечно, можно пристыдить председателя фабкома или наказать председателя райполкома за ответ, оскорбительный для любого советского гражданина. Но что делать с равнодушием наших ребят? Почему на фотоаппарат, каких полым полно в магазине, они обратили внимание, а Золотых Звезд Героев не заметили?

Если не подбирать «обтекаемых» фраз, а говорить прямо, то надо сказать, что за последние время звание Героя Советского Союза принимается.

Разговор идет не о том, чтобы окружить героев атмосферой какой-то исключительности. Но должны же мы не только во имя их заслуг, а в главных образом во имя воспитания юного поколения были ямички. И, видимо, совершенно напрасно они уныло напевали на своих облупках...

ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА ГЕРОЯ

ки действительно работает на фабрике. Поступая сюда, он не скрыл своего звания. В соответствующей графе анкеты сказано, что Шишкин — Герой Советского Союза. Но что записано в анкете, хранящейся в отделе кадров, осталось тайной не только для председателя фабкома. Даже люди, работающие бок о бок с Шишкиным, не знали о его боевых подвигах, о том, что он награжден многими орденами и Золотой Звездой. Никто не знал здесь, что этот человек не раз был на волосте от смерти, что он совершил много героических подвигов. Даже когда нуля прошла в полутора миллионах от сердца, Шишкин успел уложиться трех напавших на него врагов.

А разве не замечательно то, что тяжело больной герой, получая пенсию, все же трудится? Но настоятельному требованию врачей он лишь смилил профессию слесаря на более легкую работу сборщика аккордеонов. А на фабрике «Красный партизан» до недавнего времени ничего не знали об этом скромном герое, который заслужил не только уважение, но и заботу о своем здоровье пошатнувшимся здоровьем.

История с «затерявшимся» на фабрике Героем Советского Союза Шишкиным, несмотря на внешнее различие, имеет много общего с историей «незамеченных» героев, которую я привел выше. Но есть и более неприятные факты. Герой Советского Союза Сергей Сергеевич Кудрявцев, летавший герой штурманом корабля Гражданского воздушного флота, обратился в Московский райполком Ленинграда с просьбой об улучшении жилищных условий. Кудрявцев, его жена, 19-летняя дочь и сын жили в 13-метровой комнате.

Что же ответил на просьбу Кудрявцева председатель райполкома? — Подожди, герой, умрет кто-нибудь, тогда улучшим тебе жилищные условия. Трудно комментировать такое заявление! Лишь недавно, после вмешательства секретаря райкома партии, Кудрявцев получил квартиру.

...У Героя Советского Союза Дмитрия Михайловича Берлинского случился беда: умерла дочь. Он решил похоронить ее рядом со своей матерью, погребенной на центральной кладбище Богословского кладбища. Но ему отказали в этом, заявив, что всех без разбора здесь не хоронят.

— Неужели нельзя сделать исключение? — спросил Берлинский. — Для нас вы сделаем исключение, когда вы умрете, а пока умерла только ваша дочь, — не задумываясь, ответили ему в контроле, ведающей кладбищами.

С Берлинским тут же случился сердечный приступ, и он упал. Но напоминание о смерти свалило его с ног. Смерти он не раз видел в глаза. Семь раз раненный, из них пять раз тяжело, он многое испытал. Но хамства чиновника, да еще в такую горестную минуту, он не вынес.

Придя в себя, он отправился в Смольный и, конечно, отсюда незамедлительно было дано указание удовлетворить печальную просьбу героя Берлинского. Я мог бы привести много примеров незначительного и даже пренебрежительного отношения к Героям Советского Союза. Дело, однако, не в том, чтобы называть факт на факт. Конечно, можно пристыдить председателя фабкома или наказать председателя райполкома за ответ, оскорбительный для любого советского гражданина. Но что делать с равнодушием наших ребят? Почему на фотоаппарат, каких полым полно в магазине, они обратили внимание, а Золотых Звезд Героев не заметили?

Если не подбирать «обтекаемых» фраз, а говорить прямо, то надо сказать, что за последние время звание Героя Советского Союза принимается.

Разговор идет не о том, чтобы окружить героев атмосферой какой-то исключительности. Но должны же мы не только во имя их заслуг, а в главных образом во имя воспитания юного поколения были ямички. И, видимо, совершенно напрасно они уныло напевали на своих облупках...

О национальном блюде пишут в романах, его едят на сцене, им кланяются русские пионерские патриоты. А где оно, это розовое национальное блюдо? Гоголевский Мишка страшно смущался перед Осипом:

— Простого блюда вы не будете кушать... — Ну, а простого-то что у вас есть? — интересовался Осип, который просто хотел есть.

— Ци, каша да пироги, — краснел Мишка.

Точно такой разговор произошел между мною и одним ресторатором-кампюлятором. Я, неподобно Осипа, спросил именно ци, кашу да пироги, но он мог предложить шиниель повенски.

— Простого блюда вы не будете кушать.

— Это почему же не будем? Еще как будем! Но где на великой Руси можно найти рестораноу точку, где подавали бы эти самые ци, кашу да пироги? И если национальное блюдо выходит из кухонных тайников, на нем стоит таять цена, как будто везли его из Патагонии на парусной шхуне, отбиваясь от пиратов со смертельной опасностью для жизни.

О шиниарная пища! О, гордый хлестаковский суп, прибивший на парходе прямо из Парижа! Поднимайся, кривенький, а из кастрюльки пар, такой пар, равного которому нет на свете!

Вот этот самый уникальный пар вскружил торговые головы и зародил в них бессмертные мысли. Они создали этому пару соответствующую декорацию. Они нагромудили вокруг него золотых наяд и дриады. Они обвели его бархатными шторами, которые собирают на себе прекрасную тончайшую пыль. Они окружили его деревянными пальмами такой мощности, что путешественники по джунглям удивляются их фантазиям.

Конечно, увлечь этой красотой удалось незначительную часть человечества — ту часть, которой терять нечего, то есть холостяков и командированных.

На долю большей части достались столы. Как отличаются столы от

лени заботиться о том, чтобы герои знали и уважали. Для этой цели нет необходимости устанавливать специальный День героя. Но почему не сделать традицией, чтобы 16 апреля, то есть в день, когда Советское правительство установило это высокое звание, трудящиеся, воины, студенты, школьники принимали у себя Героев Советского Союза, чтобы ветераны выступали с воспоминаниями о погибших героях?

Такая традиция явилась бы не только заслуженной данью тем, кто во имя Родины, не щадя своей жизни, шел на подвиг, но и стала бы замечательным средством воспитания у нашей молодежи мужества, стойкости, самоотверженности.

Но обо всех подвигах и не обо всех героях прочтешь в книжках. Книжки таких издано мало и еще меньше издается теперь. Кое-кто даже пытается доказать, что уже прошло время писать о

...Не зарастет народная тропа

ДЕСЯТЬ заботливо и любовно изданных томиков. Строгий изысканный переплет. Текст напечатан на двух языках — венгерском и русском. Это — полное собрание сочинений А. С. Пушкина, присланное из Будапешта. Рядом — новые издания произведений поэта, полученные из Польши, Италии и других зарубежных стран. В избранные пушкинские дни тысячи людей увидят эти книги в залах Всесоюзного музея А. С. Пушкина в Ленинграде.

К 160-летию со дня рождения великого поэта вновь открывается Музей-Лицей в Пушкине. Его экспозиция перестроена и пополнена, она ярче отражает творчество А. С. Пушкина в годы пребывания в лицее.

Сейчас особенно много посетителей в Камероновой галерее, где расположена выставка «Пушкин в советской и зарубежной культуре». Недавно здесь появились новые иллюстрации А. Пластова, скульптура Г. Гликмана «Пушкин и Малюковский». В Институте русской литературы 6 июня заканчивает свою работу Всесоюзная Пушкинская конференция.

Большие народные празднества проводятся в Пушкинских Горах. Неподдалеку от Святогорского монастыря, у развилки дорог, ведущих в Михайловское, будет торжественно открыт памятник поэту.

ЛЕНИНГРАД. (Наш корресп.)

Новые стихи

Участники азербайджанской декады искусства и литературы в Москве на прощальном приеме артистов. Очень многим может показаться, что, пожалуй, тема не нова... Но под самым дружным гром оваций Вас встречала Матушка-Москва.

А на заключительном концерте Гром оваций в бую перерос. И одна участница, поверьте, Мне вручила лучшую из роз.

РОЗА И СОЛОВЕЙ

В наши дни подарки от красавиц — Это сновиденье наяву. К нежным лепесткам не прикасался, Я увез подарок под Москву

И поставил в дорогую вазу. На рабочем столике своем. Отворил окно, и тут же Подружилась роза с соловьем.

Соловей, как Бейбутов, о розе Голосистым горлом зантраг. Ясный месяц, сидя на березе, Улыбался, Будто театрал. И дарил крылато, вдыхновенно Голос певчей птицы за окном, — Трель за трелью двадцать два колена Повторялись в сумраке ночном.

Нарастал стремительный и жаркий Соловьиный песенный накал... Нежный образ девушки-южанки. Прело мной, как роза, возникла.

И под властью данного примера Я решил, с Поэзией вдвоем, Что коммунистическая эра Не отвергнет Розу с Соловьем!

Константин ВАНШЕНКИН

ВОСПОМИНАНИЕ О ВИНТОВКЕ

Нас писарь смерив острим взглядом, Пушкин сняв с пера, Выпсал с фамилиям рядом Винтовок номеров.

Винтовка. Нет ее дороже! Слова звучат, маня: Канал ствола, казенник, ложа, Антапка для ремня.

Поют слова: затвор и шомпол, Затальник, штык, девье... Я навсегда тебя запомнил, Оружие мое!

Была слегка тяжеловата И несложно длинна, Но как была щеголевата И как стройна она!

Потомки! Вы уже забыли Оружие мое. Вам все равно — винтовка или Кремневое ружье.

А у я с нею неизменно Другая без громких фраз. Я — стая, лежа и с колена Стрелял по многу раз.

Ты слышишь, враг? Оставь надежду. Мне горе ничем. Кляди приклад впечатан между Ключницей и шлемом.

Лежишь, с самой землей равный, Течет трава у щек. И нажимают палец плавню На спусковой крючок.

Месяц плыв. Он легкий был и тонок... В хатке, среди зеленого села, У стены, беззвучно, как ребенок, Молодая женщина спала.

Снились ей изломанные лозы, Танков гуд, кладбища без границ... И сочилась медленные слезы Из-под плотно сомкнутых ресниц.

Собравшиеся в Венеже министры иностранных дел продолжали переговоры. Прискобид официальные заседания и неофициальные встречи. На исходе четвертая неделя Женевского совещания, а какой прогресс достигнут? Впечатление таково, что существенного продвижения по пути урегулирования все еще нет. Западные державы по-прежнему питают негаснущие надежды: сохранить неморальное положение в Западной Берлине и не только увековечить свою оккупацию, но и распространить ее на весь Берлин...

— Волю! Разойдись! Рисунок Н. Лисогорского

ЗАМЕТКИ О ЯЗЫКЕ

Последний из крайних

СИНIE И ЗЕЛЕНые В древнем Риме посетители цирка делились на две враждебные партии — синих и зеленых. А вот в наших очерках — у класс кино или перед лотками, на которых красуются шедевры детективной серии Воеводата, — спражуются «последние» с «крайними».

Подойдите к такой очереди и спросите самым вежливым образом: «Кто тут последний?» Почти наверняка вас немедленно «поставят на место»: «Последних тут нет... А крайняя — я!» А если вы не сразу поймете, за что вам влетело, несколько наиболее активных крайних охотно растолкуют вам это. «Последний» — слово непристойное, недопустимое в приличном обществе. Назвав человека «последним», вы также обижаете его, ибо это означает «со всем плохой, такой, что уж хуже и не бывает». Того же, кто укрывает своей персоной конец очереди, надлежит почтительно именовать «крайним».

Вы удивлены? А что, если эти люди правы? Как на самом деле лучше выражаться: «последний» или «крайний»? Литератор с живым воображением мог бы без труда набросать такую научно-фантастическую новеллу.

Горбоносый бронзоволикий человек в пернатом головном уборе подходит к другому, скуластому и слегка раскошному: «Прости, о брат мой, — говорит он. — Я последний из могикан. Может быть, ты про меня слышал. Не ты ли последний из удай? Если так, я хотел бы раскурить с тобой трубку мира...»

И вдруг тот отвечает с досадливым жестом: «У нас нет никаких «последних». Это мой автор нуптал: он долдон был бы назвать меня крайним из удэйцев! А тебе, потомок вождей, приличнее было бы носить имя «Крайнего могиканина»...»

Тут благородный индеец ахнул бы, а пролетавшая в голубом небе «последняя туча расейской бури» замедлила бы свой бег и задумалась... Не следует ли, чего доброго, и ей теперь стать «крайней тучей»? Кто знает: может быть, Пушкин чего-то недопонял в русском языке...

А МЕЖДУ А Между тем, это — грубая ошибка, даже сразу две: во-первых, как бы убедил, против истории языка, во-вторых, против логики.

Положим, вы хотите изловить о встрече в вагоне поезда. У вас спрашивают: «А в каком вагоне ты едешь?» Вы гордо отвечаете: «В крайнем!» Нельзя же сказать: «В последнем»; могут подумать, что у вас билет в какую-нибудь телушку теплушку...

Но, о ужас: ваш товарищ делает недоуменное лицо. «То есть, в каком «крайнем»? — он спрашивает. — В поезде минимум два крайних вагона: первый и последний, передний и задний... И он прав: ведь поезд ничем не отличается от любой очереди: там — люди, тут — вагоны.

Смешно и нелепо бояться многозначности слов. Язык наш так гибок, что без всякого усилия, одним неприметным изменением тона речи он может высокопарно-торжественное слово превратить в комическое, из пренебрежительного сделать ласковое, и наоборот.

Клоп — препротивное насекомое, а ведь постоянно малых ребят матери нежно именуют «клопками». «Миленькие» девушки называют своих возлюбленных; так почему же вы не потерпите, если начальник проедет вам сквозь зубы: «Ну-ка, милешный, принеси мне папку...» Вы будете правы. Однако, если, основываясь на том, что даже «милешный» — обидное обращение, вы попросите вашу знакомую передать фразу «милый, я тебя очень люблю», скажем, на «симпатичный» или «драгоценный», вряд ли она останется довольной вашим обращением.

По-моему, ясно: в споре последних с крайних, видимо, ошибаются именно «эти последние» (то есть «крайние»). Последнее же, решающее слово остается явным за первыми (значит, за «последними»).

Поэтому никогда не спрашивайте «кто крайний?»: это крайне неудачная формула. Спрашивайте: «Кто последний?» Так куда лучше, ибо так — правильнее.

Лев УСПЕНКИН

ЛЕОНИД ЛИХОДЕЕВ

ЛЕНИНГРАД

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 71 6 июня 1959 г.

КУПРИНО ПУШКИНЕ

СЕГОДНЯ исполняется 160 лет со дня рождения А. С. Пушкина. Газета отмечает эту дату, публикуя произведения поэта, полученные из Польши, Италии и других зарубежных стран. В избранные пушкинские дни тысячи людей увидят эти книги в залах Всесоюзного музея А. С. Пушкина в Ленинграде.

родине и гордость его; восторг перед войной и отсутствие страха перед смертью и кровью. Вяземский правильно уловил в поэме «Навकाзский пленник» хвалебный гимн героям войны. Не ропот победленного в нем звучит, а голос победителя, уверенность русского пса русского оружия. В Пушкине, хотя он также был либерал, всегда бродила беспоконная тяга к бравному делу. Его всегда манил роковой огонь сражений, тревоги стана, звук мечей...

Впрочем, ведь и Толстой в свое время написал «Войну и мир» — эту книгу великой и даже части ревики. Пушкин зорко приглядывается к людям и явлениям, прислушивается к сплетням, воспоминаниям, анекдотам, преданиям, особенно прислушивается к чистому, легкому народному русскому языку, языку московских просиер, своей няни и песковенных крестьян. Он ревностно собирает народные песни, поговорки, былинны и сказания. Библиотека его представляет собою избранный экзотрант европейской литературы. Он интересуется Парини и забывает его, он увлечается Байроном, но скоро стряхивает с себя его недолгое влияние и отворачивается от него, чтобы и это наследие — алобиться в Шекспира. Мимо Гюга, властителя сердец, он проходит равнодушно.

Через два-три года, если бы не катастрофа, он отвернулся бы и от Вальтера Скотта... И во всю свою жизнь они работают неустанно, работают не как наемники, а как ревностные, лютые на работу хозяева, которые отчет о своем поле отдадут лишь одному высшему хозяину. Они работают и во время своего творческого труда, и в минуты отдыха, и в течение краткого сна. Привычная мысль никогда не оставляет их в покое.

Странно: обоим переменяет свое творчество дерзким, благоглядным, порою скандальным весельем. Или это для них тот внешний плац, за которым кроются великие мысли.

И у обоих можно проследить упорность и прилежность их работы по их замечательным письмам.

Оба умерли мучительной смертью, но не перья сознания. Петр был несчастлив, у него не было наследника. По размаху его жизни ему надлежало бы прожить еще стол лет. Вместе с ним сошел в могилу последний в мире абсолютный монарх, ибо абсолютный монарх может быть только властелин, во-первых, генеральный, а во-вторых, любящий свое государство больше жизни и всех земных утех. Аминь.

Пушкин оставил в наследство всю русскую литературу. И в одном еще сходится судьбы обоих великих людей. Увы, уже после смерти. Память обоих загрознена непроверенной клеветой — участь героев.

Пушкин застал русскую литературу в младенческом и корявом виде: пынные, выдуманные жлеславянские речеиня, подражания французской лиетрагедии и рыцарским романам, карамзин-

Вадернуя Россию на дыбы, Петр задал ей великую загадку. И Россия ерз 100 лет ответила ему Пушкиным.

ГЕРЦЕН

НО И ПУШКИН был, есть и будет единственным писателем, который мог своим божественным вдохновением прикинуть в гигантскую душу Петра и понять, почувствовать ее сверхъестественные размеры.

История весьма мало и невнятно говорит нам о Петре, а если говорит, то больше со слов иностранцев, повторяет низменное, грязное, жестокое, порочное и скандальное, до чего всегда особенно лакомо человеческое любопытство, и точно совсем забывая исторические перспективы.

Ничего нам не дали и исторические наши романы о Петре. Давно всем знакомо одно словечко Ключевского о русских исторических романистах. «Все они, — говаривал Василий Осипович, — очень плохо знают историю, за исключением Салюса, который ее вовсе не знает».

Однажды взялся было за Петра Лев Толстой. После его смерти уже здесь, за рубежом, мы читали первые черновые главы задуманного им романа, где центром должен был быть Петр. Судя по этим страницам, полным свежести, красоты и внутреннего великолепия, от великого Льва можно было ожидать эпопею не менее, а может быть и столь же прекрасную, как «Война и мир», но трудно сказать, что: предстодий ли огромный труд, или старческая слабонерная жалостливая брезгливость отвратили Толстого от давно облюбованной им темы?

О Пушкине давно-давно сказано, что у него была душа эллина. Но в ней жилавалось и римское начало: любовь и

ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЕ Н. Н. УШАКОВА

Исполнилось шестьдесят лет известному писателю Николаю Николаевичу Ушакову. Празднике Союза писателей СССР обратились к юбиляру с приветствием, в котором наряду с пожеланиями здоровья и успехов говорится: «Мы знаем и ценим Вас как тонкого знатока русского языка, подлинного мастера, с одинаковым блеском выступавшего в поэзии, прозе, публицистике и критике.

Высокой оценки заслуживает Ваша многолетняя переводческая и редакторская деятельность. Переводы произведений Шевченко, Леси Украинки, Франко, Коцюбинского, Грабова, украинского, польского, болгарского и венгерского классиков, а также произведений многих современных писателей Украины Белорурии, Узбекистана, Дагестана отмечены печатью Вашего незаурядного таланта».

хотят сказать о том, что повариха верует. Общественка тоже не стремилась к чашкам. Все было хорошо. Прознине даже снисходительно отнеслись к тому, что павло приходилось класть на стулья, поскольку вешалка отсутствовала. И вот вдруг стало плохо. Одни из приезжих, обладая особой наблюдательностью, вдруг перед завтраком обнаружили у входа вешалку.

Ребята, мрачно сказал он, — случилась несчастье. Нам приплыли за комиссией... Обратите внимание — за занавеской стоит умывальник. Вчера его еще не было.

— Какой ужас! Сейчас нас будут кормить на убой! — Призываются, ребята, может быть, кто-нибудь из нас порасекал чем-нибудь бумажным? Покляннитесь, что этого не случилось!

— Клиемся! — честно ответили приезжие едоки.

Но было уже поздно. Уже их окружили вниманием. Уже вокруг них гонялись заведующий с глазами, полными искренности. Суп уже нельзя было есть — такой он стал жирный. Порция перестала уместяться на тарелках, словно предстояло соревнование обжор...

А зачем? На этот вопрос заведующий ответить не мог. И приезжие стали потираться в глаза. Они начали верить в свою исключительность. Им захотелось огульно малогабаритных и помидоров красноруких в расколе. Они потренировались вырезать тельчачьи и печенки говяжьей. И все это оказалось в закромах чайной! Это почему? Но не подавалось на стол. Почему?

Конечно, комиссия — могучий фактор улучшения состояния пищевого пункта. Статистика показывает, что они приносят соответствующую пользу. Недостаток их заключается в том, что они похожи на хорошо предсказанный тром среди ясного неба. Во всяком случае, ни один метеоролог еще не предсказал погоду с такой точностью, с какой заведующий столовой чувствует приближение комиссии. И ему ничего не стоит приготовить. У него есть все — и продукты, и вешалки, и умывальник, и чистое столовое белье и даже туалетное мыло «Ландыш». Он открывает занавеску и, застенчиво улы-

бася, предявляет комиссию свое ровное на посту. А когда комиссия уходит... Ты сам знаешь, дорогой читатель, что происходит после отбытия высоких гостей...

Полгода назад в городе Горьком комсомольцы объявили призыв молодежи в торговую сеть. Это было прекрасное начинание. Это как-то развешивало чистоплюйское отношение культурных юношей и девушек к торговле. Мне тогда показалось, что этот призыв будет подхвачен, ибо важность такого массового движения молодежи несомненна. Но призыв этот не поддержали в других местах. Кустарное отношение к общественному питанию держало вверх. Может быть, теперь, после постановления правительства, комсомольцы откроют это движение?

Я бывал в столовых, которые обслуживаются молодежью. Я интересовался производственной жизнью этих столовых. Мне кажется, что молодые кулинары возродили невинно погубленную привилегию домохозяйки искренне интересоваться, вкусен ли суп. Они устранили домашние сцены своему начальству, если начальство не подвозило зелени. И все, что подавалось на стол, сверкало великой значимостью пицци. Из котлет выросла петрушка, картошка была доведена до оранжевого каления, как доводят клинковую сталь, и каждая маслина, казалось, была начищена в отдельности до сияния салата. Кулинарам было интересно работать.

И все это стоило недорого. Все это было даже совсем недорого потому, что в ритуал обслуживания входила еще и обязательная улыбка продавца. Улыбка продавца — великое дело, и нечего над ней иронизировать. Товар, проданный с улыбкой, вкуснее, его приятнее взять в руки. Конечно, отвлекаясь на посадочное место для заправки, могла бы обойтись и без улыбки продавца. Но когда к столу подходит конкретный человек, улыбка становится просто необходимой, потому что человеку нужно радоваться. Человек стоит того, что-

бы радоваться его приходу. Улыбка вызывает нужное доверие. Вот, кстати, о доверии. В Новочеркасске рассказывают поучительную историю.

Столовая номер один открыла при себе крохотный магазинчик полуфабрикатов. Надо сказать, домохозяйки малых городов отличаются от своих столичных коллег особой периферийной привередливостью. Они, так сказать, ближе к природе, к таинственным возможностям свежего продукта. Поэтому, когда на прилавок появились «казенное тесто», Мария Ивановна покрутила носом: в тесте, на ее взгляд, не хватало каких-то нюансов.

— А вы возьмите, попробуйте, — уговаривали ее продавцы. В разне что попробовать, — ответила Мария Ивановна, борясь с любопытством.

Назавтра весь Новочеркасск ломился в маленький магазинчик. Продавцы не успевали резать тесто, пекаря не успевали готовить его. И вот вдруг нашлись лица с доисторическим предостережением о питании. Они стали думать и гадать: а не закрыть ли вовсе пекарный оазис? Неудобно все-таки. Очередь собирается. А некоторые из них, наиболее подкованные, стали подводить философский базис: эдак, мол, домохозяйка и вовсе разучится печь пироги, что повлечет на крепость семейных устоев.

Оазис был спасен постановлением правительства об общественном питании. Сейчас в городе думают о расширении тестяного синдиката.

Нет, разумеется, не надо ориентироваться на так называемую традиционную привязанность женщины к кухне: этой привязанности нет и быть не может. Я знаю пекиную кухню. Она вся целиком занята кухней. Она сидит возле печки с книгой. Надо видеть, с какой ненавистью она смотрит на борщ, который закипает на самом интересном месте.

На Коммунальной улице Новочеркаска долго не открывали столовую с отпуском обедов на дом. Мучили «традиционные» соображения: — Привьется или не привьется — вот в чем вопрос! Привьилось. Еще как привьилось! В стране открывается огромное количество пищевых предприятий. Но как

С О Н

Месяц плыв. Он легкий был и тонок... В хатке, среди зеленого села, У стены, беззвучно, как ребенок, Молодая женщина спала.

Снились ей изломанные лозы, Танков гуд, кладбища без границ... И сочилась медленные слезы Из-под плотно сомкнутых ресниц.

Снились ей изломанные лозы, Танков гуд, кладбища без границ... И сочилась медленные слезы Из-под плотно сомкнутых ресниц.

бы ни были новы эти предприятия, — путь продукта от производителя на тарелку остается прежним, древним путем, тем самым, которым ходит каждый день домохозяйки. И надо механизировать этот тернистый путь. Надо сделать его сугубо научным, то есть рентабельным.

Если подсчитать скрытые возможности совнархозов, можно легко убедиться, что они не очень инициативны в деле общественного питания. Разве не могут они наладить выпуск кухонной техники? Интересно, на что они надеются, планируя строительство новых фабрик-кухонь? Чем они их оборудуют? Привезут машины из Харькова или из Саратова? А сами не могут?

Принятие человеком пищи достойно того, чтобы им занимались изобретатели и архитекторы, инженеры, врачи и агрономы. Писатели и журналисты тоже могут заниматься им значительно больше, чем занимаются. Они обязаны это делать потому, что самую выдающуюся роль в деле создания коммунистического быта должна играть сама общественность, представителями которой они являются.

Давайте развенчаем ресторана. как пищевого достижение. Не такое уж он достижение, как думается тресту ресторанов.

Мне кажется, ресторанные меню калькулируются в расчете на нещепаремый бумажник клиента. Бесстрашный калькулятор высказывает со снисхождением и размывает счетами, как истине. Надо сказать, клиента любисто называют в ресторане гостем. Наверно, имеется в виду иконое значение этого слова: «гость» означает «купить».

Я говорю о ресторане в его финансовом аспекте. Следует сказать и об аспекте функциональном, то есть пищевого назначения. Давайте говорить серьезно. Несмотря ни на какие ограничения, рестораны — это место, где поют «горячительными напитками». Все, что содержится в себе меньше сорока градусов крепости, считается здесь уже закуской. Дорого и шикарно — девиз ресторана.

Так ресторан превратился в мечту изысканных душ. Каждая такая душа, переступив его порог, требует фирменное блюдо. Это невкусно, зато дорого и шикарно. Посещение ресторана возвращается в событие для тех, кто хо-

дит туда с супругой и неприятной тайной для тех, кто ходит без. Тут мы подходим к третьему аспекту — морально-этическому. В московском уголовном розыске мне показывали личные карточки мелких хулиганов. Их шумный путь начался в ресторане.

Теперь сделаем вывод из трех ресторанных аспектов. Неужели мы будем и впредь мириться с существованием в нашем быту... ресторанов? Никан нет, не ресторанов. Рестораны должны быть. Их должно быть в десять, в сто раз больше. В них должны быть и фирменные блюда, и веселая музыка. Но они должны быть социалистическими, то есть работающими на человека, а не на его деньги.

Если ресторан станет доступнее, если посещение его перестанет восприниматься как событие или неприятная тайна, если дурацкий шик, приносящий человеческое достоинство, развеется наподобие хлестаковского пара, — ресторанный хлестаковизм станет не по себе. Иссякнет мешанное представление о ресторане как о музее, как о запретном плоде, который хочется вкушать, чтобы никто не видел.

Ресторан просто необходим. Спросите у хозяйки, во что ей обходится заботливое отношение к своему мужу, который, скажем, именинник. Она этих именин не видит. Она сначала печет, жарит, варит, а потом три дня млет посуду, которую, кстати сказать, занимает у соседей: гостей много, посуды на всех не наберется. При этом ей надо еще ходить на работу. Праздник должен быть радостью для каждого, в том числе и для хозяйки. Хорошо бы этот праздник отмечать в ресторане.

Будням тоже неверно быть радостью. Нам необходим всеобщий высокий стандарт пищевого назначения, то есть эта пища готовится: в городе, в селе, в столовой, в поезде, в самолете, на пароходе или в ресторане.

Пусть соревнуются между собою равноправные по снабжению и названиям пищевые тресты. Пусть каждый из них убеждает — качеством и дешевизной. Пусть не пропадет прекрасный смысл древнейшего торжественного пригласения: — Пожалуйста к столу! Леонид ЛИХОДЕЕВ Рисунок автора

Мистер Уолтер против ввоза «красной пропаганды» из США... в Москву!

МИСТЕР УОЛТЕР, председатель комиссии палаты представителей конгресса по расследованию антиамериканской деятельности, выступил 3 июня со страстной речью. Оратор, очевидно, решил, что настал час, когда возглавляемая им комиссия должна облагодетельствовать своим надзором и советских граждан, метал громы и молнии против тех, кто, по его мнению, замыслил экспорт коммунистических идей... из США в Москву. Мистер Уолтер усмотрел попытки подобного рода в том, как будет представлена американская живопись на предстоящей американской выставке в Москве.

Нет ли явной опасности заразить со-

ветских людей коммунистической идеологией, если, по подсчетам господина Уолтера, из 67 художников, экспонирующих свои картины на выставке в Сокольниках, по крайней мере 34 были связаны с «коммунистическими» организациями или выступили с «прокоммунистическими» заявлениями?

Особенную тревогу у оратора вызывает участие в выставке художников Джека Левина, Бена Шана, Макса Вебера и Филипа Эвергуда.

В их творчестве наличествуют социальные мотивы, некоторые из них создавали плакаты, призывающие к борьбе за мир. Это повергает мистера Уолтера в ужас. Бен Шан создал в 1948 году плакат «Мы хотим мира». Филип Эвергуд нарисовал в 1951 году плакат «Голубь мира». Мистер Уолтер нервно перебирает яркими пальцами карточки досок. Ему чудится, как опасная «коммунистическая» идея борьбы за мир, распространяясь кругами из па-

вилоньев выставки в Сокольниках, прихватывает на свою сторону все больше и больше советских людей... Нет, этого нельзя допустить! И духовный сын Маккарти продолжает страдать аудиторно: представляемые на выставке художники имели «по меньшей мере 465 контактов с коммунистическими фронтами и организациями».

Одержимого оратора, видимо, совсем не волнует, что сам-то он в своей речи давно утратил всякий контакт с здравым смыслом, что его бредовые опасения способны только смешить людей и что мистеру Уолтеру, как председателю комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, следовало бы привлекать к ответу государственных мужей, выступающих в таком смехотворном виде «гражданскую мудрость» Америки.

Мы публикуем сегодня репродукции картин Бена Шана и Филипа Эвергуда.

Филип Эвергуд. «Лили и воробьи».

Время, события, люди...

ИЗ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЧТЫ

ПОДАДЕЛЬНЫЙ ЧЕК ЛЕСЛИ ГОУДА

ЛЕСЛИ Гоуд страдал. Будучи финансовым обозревателем газеты «Нью-Йорк джорнал — Америка», он по долгу службы с утра до вечера считал и пересчитывал чужие деньги. Слова «тысячи», «сотни тысяч», «миллионы» пестрели в его обзорах. В карма-нах его портфеля не наблюдалось. И это было мучительно.

Но раз Гоуд перебрал в уме все известные ему способы отъема чужих долларов. Воображение рисовало, как он, искусно подделав денежный чек, направляется к редакционной кассе, и клерк отсчитывает тысячу за тысячей. Но, увы, чек так мал, нужна теклая виртуозная работа, чтобы его подделать, да и риск...

А что если изготовить фальшивый чек величинной в газетную полосу? Как и чем заполнить этот чек, Лесли Гоуд знал отлично: у него и нравы своей газеты он изучил досконально. Идея окрикнула финансово-го обозревателя. Гоуд написал серию статей о Советском Союзе. Это и был его фальшивый чек. Юзе-

Рисунки Н. Лисогорского

на страницах буржуазных газет. Американцы проявляют огромный интерес к стране первого спутника. Удовлетворить эту жажду исканием из антисоветской клеветы уже невозможно. Приходится признавать факты. Авторитетный американский журналист Гарриман, опубликовавший в «Нью-Йорк таймс» свои впечатления о Советском Союзе, пишет так: «Новые жилища дома, яркие всецветные платья, витрины магазинов, полные продовольствия и хозяйственных товаров, делают Москву почти неузнаваемой».

Впрочем, обо всем этом Лесли Гоуд не задумывается — с фальшивым чеком, принятым к оплате газетой «Нью-Йорк джорнал — Америка», он рвется к редакционной кассе, чтобы получить сполна свои доллары...

ПАРАМЕНТСКОЕ ХАРАКИРИ

«Если депутаты не имеют права вносить интерpellацию, то для чего они нужны?» — «Республика», — говорит читатель Элеман, — имеет столь же искусственный характер, как бутылка лимонада на витрине. Я стою за право депутатов вносить запросы и свергать правительство».

Реакционные депутаты, составляющие большинство в нынешнем составе Национального собрания, послушно согласились отказаться от своих традиционных прав и удовлетвориться ролью «безмолвных статистов». Более того, правые депутаты выразили готовность «воздержаться» не только от разработки законопроектов, улучшающих положение трудящихся, но даже от вынесения резолюций, учитывающих интересы избирателей.

«Характер» в Бурбонском дворце — так называют «Юнайтед» решение реакционеров до самоуправления ограничить права и функции депутатов Национального собрания Франции.

ДИПЛОМАТЫ ЗА ПРИЛАВКОМ

Все это продается по более низким ценам, чем в итальянских магазинах. Посольство, согласно существующим правилам, освобождено от уплаты таможенных пошлин и других сборов; пользуясь этим, оно успешно конкурирует с местными лавочниками.

Итальянские газеты опубликовали письмо группы торговцев. Они сообщают, что обращались в министерство иностранных дел Италии с жалобой на незаконную коммерческую деятельность американского посольства в Риме, подвешивающую мелкую торговлю. Однако — безрезультатно.

Комментируя все это, итальянская газета «Лаззере» иронически предсказывает, что может произойти дальше. В Риме, «двойной столице» — Италии и Ватикана, пишет газета, посольство больше, чем других: в каждом крупном городе есть по крайней мере парочка консулств. Если американскому примеру последуют другие, как это часто бывает, то в один прекрасный день мы очутимся в совершенно новом дипломатическо-коммерческом мире. Мы будем читать неоновые рекламные «Лучшие ткани» — в английской посольстве, «Новое во французском посольстве: наконец коньяк стал доступен всем»... Итальянские торговцы, уплаты долги по налогам, закроют свои лавочки, и кризис мелкой торговли будет разрешен раз и навсегда!

ном городе есть по крайней мере парочка консулств.

ЗЛОБА И ГЛУПОСТЬ БЛУДИИ ТУТ...

Так, в ФРГ происходило чествование памяти писателя и литературоведа Адольфа Бартеля. Более всего он известен, однако, как отъявленный расист и нацист, доносивший в гитлеровские времена на прогрессивных немецких литераторов. Бартель писал о национал-социализме как о спасении Германии. Он принадлежал к числу активных сотрудников злобной фашистской газеты «Фелькишер Beobachter».

Темными «заслугами» за педогерманские реакции не пренебрегают! Не родня Бартеля, в Вессельбурне, состоялась торжественное возложение венков на его могилу. Выступивший с речью депутат бундестага Герман Гюнцинг превозносил этого фашистского погромщика как «верного сына родины».

Но ядром прощания оставалось опровержение. Два школы — Вессельбурне и в Хейде — носили имя Бартеля. Под давлением общественности, особенно жертв нацистского режима, министерство по делам культуры земли Шлезвиг-Гольштейн пришлось изменить название школы в Вессельбурне: имя Бартеля она носить не будет.

Недостойный выход к о против памяти Томаса Манна, общероссийской гордости немецкой литературы, любящего реакционером, продемонстрировал свой родной душ с Гитлером и Гоббсом. Это этого не знал, теперь будет знать, — пишет Берлинская газета «Моргенштерн» — опровержение, гнездо Гитлера и компании и гнездо партии Аденаурера — это и то же... Если корифей литературы подвергается в Боннской республике дискриминации, то всевозможные литературные нули из идеологического штаба Гоббса возмущаются.

Бен Шан. «Мушкетеры Санко и Ванцетти» (1932 г.).

«ДЕЛО О ПОЦЕЛУЕ»

В штате Северная Каролина двое негрятинских мальчиков — Джеймс Томпсон и Дэвид Симпсон — были заключены в тюрьму после того, как белая девочка во время игры на улице поцеловала одного из них.

Она в пятнадцать с ним играла. И на глазах у детворы. Вдруг, просто так, поцеловала. Во время уличной игры.

Поцеловала? Ну и что же! Она плохого не ждала... Но был мальчишка чернокожим, И белой девочка была!

И под закон немолчаливый Попад, лезущий в страхе мать, Деятельный подосудный, Что дал себя поцеловать.

В судебном зале шмыгал носом Под страху взятый мальчуган, И задавал ему вопросы Судья, жующий «чунгама».

Так бессердечным приговором С коротким словом «виноват» В тот день покрыв себя позором Американский южный штат...

ЧИТАТЕЛЬ СТАНОВИТСЯ ЗРИТЕЛЕМ...

«НЕ ЗНАЮ, почему, — писал в 1835 году В. Г. Белинский, — в наше время драма не оказывает таких больших успехов, как роман и повесть?» С тех пор прошло более века, но и в наше время, увы, драма по-прежнему не оказывает таких больших успехов, как роман и повесть. Надо ли удивляться, что перед лицом хронического отставания драматургии театры обращаются за содействием к эпическим жанрам?

Театр, которым руководит Юрий Завядский, за последние несколько лет трижды обращался к современной прозе и трижды заставлял зрителей «Первой весны», «Далей негодилась...» и «Битвы в пути» забыть, пусть на один вечер — то, что они были читателями. «Повести о директоре МТС и главном агрономе», романа «Крутые горы» и, наконец, «Битвы в пути», настолько самостоятельны, оригинальны были эти постановки.

У всех этих спектаклей есть общая тема, которая и объясняет, очевидно, выбор театром именно этих книг. Тема эта — то новое, что родилось, заиграло в последние пять-шесть лет. Герои всех трех спектаклей, будь это вечерняя студентка Настя Ковшова, агроном Хижинков или инженер Бахирев, — люди нелегкой судьбы, цельного характера и несгибаемого упорства в достижении цели. Не знаю, можно ли и надо ли называть их идеальными героями. Но твердо знаю, что их можно назвать героями идеальными. Идеальность — вот что их роднит, вот что ими движет, вот что ведет их через испытания и приводит к победе.

Битва в пути... Так можно было бы, вероятно, назвать все три спектакля. Новое дает бы старому в пути, — всякая приостановка движения наносит ущерб делу. И чем решительнее победы нового в этой битве, тем быстрее мы движемся вперед, к заветной цели, к коммунизму.

В последнем из трех спектаклей конфликт нового и старого воплощен с особой наглядностью и предельной объективностью в столкновении Вальгана и Бахирева.

В Вальгане олицетворены старые, изжившие себя, тормозящие общественное развитие методы руководства. Может быть, когда-то Вальган и был человеком идейным, может быть, в годы первой пятилетки он даже был чем-то похож на погодного Григория Гая — размахом, энергией, смелостью. Может быть. Но с ним произошло самое страшное, что только может произойти с руководителем: Вальган забыл о том, что он — слуга народа, и постепенно, вероятно, незаметно для себя, стал служить самому себе, только самому себе.

В Вальгане олицетворены... Но ведь нельзя играть некое олицетворение того или иного общественного явления, сцена требует живого человека во плоти и крови. Артист М. Сидоркин подметил самозабвенную манеру держаться себя, свойственную таким людям; самозабвенность эта происходит от годами воспитанного умения мгновенно ориентироваться в обстановке. Вальган, каким мы увидели его на сцене, быстр и гибок в переходах от властных начальственных интонаций к добродушнейшему панибратству с рабочими, от гневных всплесков не терпящего возражений администратора — к сдержанно-достоинственному тону при обращении к лицам вышестоящим. И все же нам показалось, что артист заметил мелочный образ, что Вальган романа — масштабнее, значительнее и потому опаснее. Мне не довелось, к сожалению, видеть К. Михайлова, игравшего эту роль на премьере, но в исполнении М. Сидоркина не хватало «биографии» образа, ответа на вопрос, естественно возникающий у зрителя, — как этот умный, талантливый и энергичный руководитель доказывает до полной бесприщипности.

Вальгану в романе и в спектакле противопоставлен Бахирев. Нет ли нарочитости, преднамеренности в подобном рода прямых противопоставлений?

Вспоминается письмо А. Н. Островского к Н. Я. Соловьеву. «Теперь о Малькове, — писал многоопытный драматург своему молодому соавтору по «Дикарке», — Ашметьеву нужно было противопоставить лицо, которое бы составляло прямую противоположность ему. Такие контрасты не есть что-нибудь насильственно придуманное, они сами непроизвольно являются в голове художника, когда он начинает обдумывать конкретную тему (т. е. сюжет)».

Противопоставление Бахирева Вальгану подсказано автору романа, а затем и авторам спектакля самой жизнью. Бахирев, каким его играет М. Погорельский, не может не вступить в конфликт с Вальганом. Политический, идейный конфликт преданного партии и народу коммуниста с зазнавшимся, оторвавшимся от народа великодушным неизбежно транспортируется в сферу этической: честность противопоставляется беспринципности, прямота — лукавству, страстность — равнодушию.

Худо, если за летающими противоземлями, запасными вкладываемыми, кончальным литьем и прочими чисто техническими проблемами искусство не в силах разглядеть проблем идейных и этических. Но не лучше, если в моральных проблемах искусство бессильно обнару-

жить их общественный смысл. Заслуга театра имени Моссовета в том, что он сумел раскрыть перед нами глубинную общественную сущность конфликта Бахирев — Вальган.

В спектакле не так уж много сцен, в которых Бахирев напрямую сталкивается с Вальганом. Но борьба двух начал — Бахирева и вальгановского — образует единое действие спектакля, его философию, его пафос. Роман превращается в драму. Читатель становится зрителем.

Самое главное в этом чудесном превращении одного вида искусства в другое заключается не только в том, что широта повествования компенсируется наглядностью представления. Важно, что драматизм, содержащийся в романе, как один из его компонентов, становится в произведении театральное искусство его душой, сущностью.

Читатель романа — свидетель битвы, зритель спектакля — ее участник. Читатель сочувствует, зритель сопереживает.

Ради этого, вероятно, и существует театр.

Не последнюю роль, надо полагать, играет здесь то обстоятельство, что книгу мы читаем в одиночку, спектакль же смотрим «соворно», эмоционально заражая друг друга.

Особенно наглядно чувствуешь это в превосходно поставленной картине собрания заводского партийно-хозяйственного актива. Сколько мы переживали на сцене (в том числе и на сцене Театра имени Моссовета) всякого рода совещаний, собраний и заседаний, и как часто театр заставлял нас жестоко при этом скучать («Когда же начнется художественная часть?» — зыбли по этому поводу театральные остряки). И вот — опять собрание. Почему же мы так захвачены происходящим? Почему мы забываем, что сидим в зрительном зале, забываем, что читали роман, и вместе с Сереем Сугробным и Ириной Карамыш, затанцывавшие, ждем очередного выступления?

Потому, очевидно, что перед нами разворачивается не просто очередное собрание, а одно из решающих мгновенных битвы в пути, — и это битва не только за судьбу хорошего человека Дмитрия Алексеевича Бахирева, но и за нашу с вами судьбу. Восторгается ли правда, как будем жить дальше — вот что решается на сцене.

Бахирева можно сыграть немного лучше или немного хуже, один сценарий могут угадать больше, другие — меньше, но есть нечто, что решает успех или провал такого рода ролей: надо, чтобы зритель поверил. Разумеется,

Если бы эти геинские строны были высечены на фронтоне здания сената старого западногерманского города Любека, то они могли бы послужить точным символом этого учредительного...

Не так давно мы писали о том, что филистеры из городского собрания депутатов Хельпенгайма отвергли предложение назвать одну из улиц именем Гая Гейне. Как выяснилось, хельпенгаймские реакционеры не одиноки. У них нашлись единомышленники в Любеке.

Сенат Любека демонстративно отклонил идею присвоить местной гимназии имя Томаса Манна.

Это позорное решение усугубила еще более позорная мотивировка. Дело, оказывается, в том, что во время второй мировой войны Томас Манн «попал в свое собственное гнездо». Рас-